

Перевод: Валерий Ледовской (valery@ledovskoy.com)

Редактор: Анна Михайлова (<http://protext.su>)

Дин Кунц

Святой Томас

Dean Koontz

Saint Odd

Эта книга посвящается Франку Редману¹, который не единожды
напоминал мне Одда Томаса

Единственная мудрость, которой мы можем надеяться достичь, —
Мудрость смирения...

Т.С. Элиот, «Ист Коукер»²

Глава 1

На просторах Мохаве, в два часа ночи, несясь в одиночестве на скорости семьдесят миль в час, я ощущал себя в безопасности и верил, что какой бы ужас ни ожидал меня, до него оставалось ещё много миль. Не впервые в моей странной жизни безопасность оказалась иллюзией.

У меня есть склонность всегда надеяться на лучшее, даже когда злобный трёхсотфунтовый самоанский борец душил меня стянутой вокруг шеи скакалкой маленькой девочки. На самом деле я вышел из той серьёзной ситуации живым в основном благодаря тому, что завладел его любимой шляпой в виде пирога, в которой он видел источник удачи. Когда я закрутил шляпу как «фрисби» и он отпустил скакалку, чтобы попытаться поймать её в воздухе, я получил возможность подобрать клюшку для крокета и застать его врасплох ударом по гениталиям, что было особенно эффективно, ибо из одежды на нём был только ремень. Постоянная надежда на лучшее, как правило, служила мне хорошо.

Как бы то ни было, под полной луной пустыня была жуткой, как поверхность чужой планеты. Огромная чёрная змея шоссе извивалась по очереди небольших подъёмов и

¹ Франк Редман/Frank Redman (1906-1965) — американский кинематографист, член Американского общества кинооператоров, выступал в роли главного оператора при создании около 40 фильмов и сериалов.

² «Ист Коукер/East Coker» — поэма Т.С. Элиота из цикла «Четыре квартета» (1940). Ист Коукер — деревня в графстве Глостершир на западе Англии, где проживали предки Элиота. На мемориальной доске в церкви, на кладбище у которой он похоронен, написаны строки из процитированной поэмы — «in my beginning is my end» и «in my end is my beginning» («в моём начале — мой конец» / «в моём конце — моё начало»).

мягких впадин, через песчаные равнины, которые едва светились, будто радиоактивные, мимо стремительно пролетающих каменных образований в местах с кварцитом или чем-то ещё, что выхватывали фары мотоцикла «Биг Дог»¹, — они вспыхивали как огненные вены.

Несмотря на большую луну и три ярких глаза байка, Мохаве собирала на своих просторах темноту. Едва различимые, искривлённые очертания мескитовых деревьев и кучки других растений с шипами топорщились и, казалось, отскакивали, когда я пролетал мимо них, как будто были быстрыми и враждебными животными.

С широким стреловидным обтекателем и подседельными сумками, «Биг Дог Бульдог Бэггер» выглядел так, словно был сделан для супругов, живущих в пригороде, но его V-образный двухцилиндровый двигатель с впрыском объёмом 111 кубических дюймов² мог выдать любую скорость, какую только пожелаешь. До поворота на это почти пустое внутриштатное шоссе, слегка прибавив газ, на федеральной автостраде я обошёл что-то вроде машины или автопоезда, плетущегося передо мной. Теперь я шёл на семидесяти, в окружении лишённого напряжённости низкого богатого ската³; двигатель, закреплённый с использованием резиновых прокладок, сохранял минимальный уровень вибрации.

Хотя на мне были очки и шлем из углеродного волокна «Хед Трип»⁴, скрывавший уши, визжащий ветер и гортанный шум выхлопа скрыл звук «Кадиллака Эскалейд»⁵, который, двигаясь без освещения, показался за мной и объявил о себе громким гудком. Водитель включил фары, вспыхнувшие в моих зеркалах, так что мне пришлось глянуть через плечо, чтобы увидеть, что он находился не более чем в пятидесяти футах. Внедорожник был пугающей громадиной на такой дистанции, на такой скорости.

Повторяющиеся заряды гудка говорили о том, что водитель мог быть пьян или под наркотиками и либо находится в состоянии дорожной ярости⁶, либо не прочь поиграть

¹ «Биг Дог/Big Dog» (англ. «Большой Пёс») — бывший американский производитель мотоциклов частично ручной сборки средней ценовой категории, базировавшийся в г. Уичито, штат Канзас. Компания была основана в 1994 г. В 2006-ом году был произведён 20-тысячный мотоцикл. Финансовые проблемы привели к закрытию компании в 2011 году.

² Около 1800 куб. сантиметров.

³ Скат/scat — манера джазового пения, когда певец выпевает бессмысленный набор слогов, подражая музыкальному инструменту.

⁴ «Хед Трип/Head Trip» — американская марка шлемов из углеродного волокна и кевлара (упругое синтетическое волокно с прочностью в 5 раз выше стали), выпускаемых компанией Composite Craft, Inc.

⁵ Полноразмерный внедорожник, выпускаемый Cadillac, подразделением General Motors.

⁶ Неожиданное резкое раздражение, спровоцированное у автомобилиста действиями другого водителя.

немного в нездоровую игру в труса¹. Когда он протрубил «собачий вальс», то протянул последнюю ноту слишком долго – и я убедился, что тот, кто довольствуется таким клише, и при этом даже не может выдержать ритм, чтобы проиграть хотя бы его, не может быть опасным противником.

Ранее я узнал, что оптимальная для «Биг Дога» скорость – более восьмидесяти миль в час, и что он полностью управляем на сотне. Я прибавил газа, и байк сожрал асфальт, оставив «Кэдди» позади. На момент.

В Мохаве не был пик сезона мошкары, так что мне не приходилось есть каких-нибудь мотыльков или жуков с твёрдыми панцирями, пока я бормотал не потребства. Но на такой скорости, из-за того, что я сидел высоко и вытягивал голову над низким ветровым стеклом, тёплый ночной воздух приводил к трещинам на губах и жалил щёки, когда я врезался в него, как пуля.

Любой ответственный дерматолог раскритиковал бы меня за быструю езду с открытым лицом по этой сухой пустоши. Однако, по многим причинам, шансов того, что я доживу до празднования своего двадцатитрёхлетия, было немного, так что мой преждевременно дряблый вид через два десятка лет меня не беспокоил.

В это время я услышал приближающийся «Эскалейд», визжащий как какая-то злобная машина из «Трансформеров», и снова передвигающийся без освещения. Быстрее, чем я надеялся, водитель включил фары, свет которых вспыхнул в моих зеркалах и размыл дорогу вокруг меня.

Ближе пятидесяти футов.

Внедорожник явно был протюнингован. Это был не простой «Кэдди» «мама-взяла-малыша-на-прогулку». Двигатель звучал так, как будто он до выхода из «Дженерал Моторс» прошёл через «Боинг». Даже если водитель намеревался нагнать меня и впечатать в решётку «Кэдди» — и очевидно, так оно и было — у меня не было возможности обскакать любой собранный вручную двигатель, сделавший его королём дороги.

Напичкав свой автомобиль различными многотональными гудками, запрограммированными отрывками легкоузнаваемых мелодий, теперь он дразнил меня первыми громкими нотами песни «Сердце продолжает биться» в исполнении «Сонни и Шер»².

«Биг Дог» хвастался шестискоростной коробкой передач. Дополнительная передача и правосторонний приводной шкив обеспечивали лучший баланс и лучший контроль, чем

¹ Симметричная игра, в которой два игрока осуществляют какое-л. опасное действие, ведущее к негативному исходу, и проигравшим считается тот, кто первым прекратит осуществлять это действие.

² Песня «Сердце продолжает биться/The Beat Goes On» американского дуэта «Сонни и Шер/Sonny & Cher» (1964–1977) вошла в американский хит-парад в январе 1967 года.

средний туристический байк. Толстая 250-миллиметровая задняя покрышка давала ощущение устойчивости, а тридцатичетырёхградусный наклон шейки вселял небольшую уверенность при трюкачестве, даже когда я приближался к трёхзначным скоростям.

Сейчас он исполнил для меня серенаду из первых семи нот кингсменовской «Луи Луи»¹. А затем снова.

Моим единственным преимуществом могла стать манёвренность. Я соскользнул в сидении пониже, так что изгиб лобового стекла проводил ветер выше шлема, и начал более агрессивное использование трёхрядного шоссе, исполняя широкие волнообразные движения от обочины к обочине. Я наклонялся низко к земле, а у «Эскалейда» был центр тяжести намного ниже, чем у «Биг Дога»; если бы водитель захотел остаться у меня на хвосте, то мог перевернуть внедорожник.

Если бы он был достаточно умным, то понял бы, что, не подражая мне, продолжая двигаться прямо, он мог бы быстро продвинуться вперёд, пока я вилял. И что легко было просчитать, мог пересечься со мной, пока я пикировал от одной стороны дороги к другой.

Третья волна «Луи Луи» убедила меня, что либо он был недостаточно умён, либо настолько в стельку, что может последовать за мной хоть в пекло перед тем, как поймёт, что сделал. Прогремели несколько нот из ещё одного запрограммированного гудка, но я не распознал мелодию, хотя в голову пришло изображение того самого забытого рокера Боя Джорджа².

Когда заскрежетали тормоза, я оглянулся и увидел, что «Эскалейд» накренился, его шины дымятся, тогда как водитель крутанул руль сильно влево, чтобы избежать вылета с северной части тротуара. Вырезая одну букву «S» за другой по скоростной дороге, я вышел из одного поворота, благодаря справедливо расхваленному уравновешенному приводу «Биг Дога», и устремился в следующий. Когда водитель крутанул сильно влево, шины «Кэдди» с очередным визгом сорвали кожу горячей резины об асфальт. Машину почти снесло с южной обочины шоссе, она накренилась снова, но, как и раньше, выровнялась до того, как перевернулась.

Выбрав основной звук гудка, водитель в этот раз не пытался сыграть мелодию, но посылал рёв за рёвом, будто считал, что может столкнуть меня с байка звуковыми волнами.

Рассказывая в подробностях эту историю, я могу передать ощущение, что во время преследования оставался спокойным и собранным, но на самом деле в каждый момент боялся пожалеть, что не надел подгузник для взрослых.

¹ «Луи Луи/Louie Louie» — песня Ричарда Берри, написанная им в 1955 году и выпущенная в апреле 1957 года. Наибольшую популярность песня получила в исполнении группы The Kingsmen, издавшей свою версию в 1963 году, которая стала стандартом в поп- и рок-музыке.

² Бой Джордж/Voy George (настоящее имя — Джордж Алан О'Дауд/George Alan O'Dowd), род. 1961 — британский певец и композитор, один из пионеров движения новая романтика.

Независимо от того, какие наркотики или напитки нажали кнопку «БЕЗУМИЕ» у водителя внедорожника и наполнили его смертельной яростью, ему хватало ума для того, чтобы понять: если он продолжит меня преследовать, то может перевернуть внедорожник. Нацелившись на центр трёх рядов, он снова обрёл потерянную землю, намереваясь пересечься с моим байком между сопряжениями моего равнинного слалома.

«Биг Дог Бульдог Бэггер» не был предназначен для езды по пересечённой местности. Диета, которая делала его счастливым, состояла из бетона и асфальта, и он требовал, чтобы любовались его гладкими аэродинамическими линиями, раскраской под заказ и изобилующим хромом, а не износоустойчивостью и способностью уверенно продираться по дикой природе.

Тем не менее, я съехал с дороги. Говорят, неизбежность — мать находчивости, но она также бабушка безрассудства. Шоссе возвышалось примерно на два фута над землёй, по которой шло, и я покинул обочину на такой скорости, что байк на момент оказался в воздухе, прежде чем вернуться на землю с толчком, который на короткое время оторвал мою пятую точку от сидения и заставил ноги станцевать на подставках.

В этом месте пустыни не было обычных песчаных дюн и высохших озёр, наполненных пыльным илом, и это было хорошо, потому что, пересекая подобную местность, «Биг Дог» погряз бы и остановился через сотню ярдов. Поверхность была по большей части спрессованными тысячами лет палящего солнца и шлифующего ветра скалами вулканического происхождения, богатыми полевым шпатом, деревьев не было, но некоторые места благоволили пурпурному шалфею, мескитовым деревьям и неопрятным растениям, которые было идентифицировать сложнее.

Оснащённый шинами большого размера, более подходящими для передвижения по пересечённой местности, чем мой байк, полноприводный «Эскалейд» съехал с шоссе по моему следу. Я планировал найти разрыв в ландшафте, нависающий откос, достаточно глубокий, чтобы скрыть меня, или неожиданный гребень скалы — всё, что я мог использовать, чтобы скрыться от взгляда моего безумного преследователя. После этого я мог бы выключить фары, значительно замедлиться, передвигаться в свете луны и попытаться как можно быстрее закладывать один поворот за другим, увеличивая расстояние между ним и мной. В конечном итоге я мог найти место, подходящее для укрытия, заглушить байк, слушать и ждать.

Неожиданно поверхность заполнил более яркий свет, и когда я посмотрел назад, то увидел, что «Эскалейд» был оснащён мощными прожекторами на крыше, которые водитель прямо сейчас и задействовал. Пустыня передо мной стала похожа на сцену из раннего фильма Стивена Спилберга: удалённая взлётно-посадочная полоса, где взволнованные и обаятельные учёные из секретного правительственного агентства готовились встретить контингент добрых инопланетян и их материнский корабль. Однако

вместо учёных и пришельцев в наличии были несколько прирождённых любителей поиграть на банджо из «Избавления»¹, преследующих меня с плохими намерениями.

В тех жёстких и далеко бьющих лучах света каждый робкий изгиб растительности отбрасывал длинную чернильную тень. Бледная поверхность оказалась менее неровной, чем я надеялся, это была отчётливо видимая равнина, и я смог бы найти место для укрытия не с большей вероятностью, чем «Макдональдс», укомплектованный площадкой для развлечения малышей.

Хотя по природе я был оптимистом, и даже человеком неунывающим, перед лицом угрозы и мрачности были моменты, как этот, когда я чувствовал, как будто весь мир был камерой смертников и что недавняя еда была последней.

Я продолжил продвижение на север, в пустыню, вместо того, чтобы развернуться обратно к шоссе, уверяя себя, что моей судьбой не было умереть в этом месте, что найду прибежище позже. Моим уделом было умереть в месте, расположенном в тридцати или около того миль отсюда, в городке Пико Мундо, не этой ночью, а завтра или послезавтра, или ещё на день позже. Более того, я не умру от «Кадиллака Эскалейда»; мой конец не будет таким простым, не так быстро и чисто. Мчась на большой скорости и настраивая себя на временный оптимизм, я выпрямился на сидении и улыбнулся, оказавшись в зубах тёплого ночного воздуха.

Когда внедорожник нагнал меня, водитель-психопат вернулся к одному из своих предустановленных сигналов. В этот раз я распознал первые ноты «Хамелеона кармы»² «Калче клаба», фронтменом которой был Бой Джордж. Песня казалась настолько уместной, что я засмеялся; и мой смех мог бы меня ободрить, если бы он не звучал капельку безумно.

Наполненные азотом амортизаторы, изолированные резиной подставки для ног и резиновые рукоятки управления способствовали более гладкому передвижению по бездорожью, чем я ожидал, но я также ожидал, что впереди будет одна механическая поломка за другой или столкновение с невидимой каменной выпуклостью, которая могла меня сбросить, или сообщество гремучих змей, которые, пролетая в воздухе в процессе копуляции, могли, шипя, осыпаться дождём прямо на меня.

Я испытывал непродолжительное ослабление своего типичного оптимизма.

Перед тем, как освещение «Эскалейда» разоблачило в пределах видимости что-то вроде высокогорной местности, и оно мерцало как мираж, впереди был виден длинный, но небольшой уклон, который вёл к узкой кромке темноты. Я не был уверен в том, что

¹ «Избавление/Deliverance» (1972) — фильм Джона Бурмена (р. 1933).

² «Хамелеон кармы/Karma Chameleon» (1983) — песня английской группы «Калче клуб/Culture Club», которая стала международным хитом, возглавив хит-парады многих стран мира, включая американский, британский и другие.

видел; вид был не менее загадочным, чем абстрактная картина, составленная из геометрических форм в светло-бежевом и чёрном цветах, но на случай если это то, что мне нужно, я ускорился.

Мне приходилось лавировать среди зарослей кустарника, — семейство пампасной травы — который почти погиб от недостатка воды, их узкие пятифутовые согнутые вниз лезвия были, наверное, достаточно остры, чтобы меня поранить, множество высоких перистых метёлок развевались, как белые флаги капитуляции.

Очевидно, псих, преследовавший меня, не был членом «Сьерра Клуба»¹, потому что «Эскалейд» летел на полной скорости через пампасную траву без сомнений, оставляя след смятой и искромсанной растительности, нагоняя меня.

Беспрерывно повторяющаяся последовательность нот «Хамелеона кармы» и рёв прокачанного двигателя внедорожника были настолько громкими, что я понимал: он близко, возможно, в десяти футах за мной. Я не осмелился оглянуться.

Имея лишь три или четыре секунды на правильный выбор, я увидел, что моё предположение по поводу местности впереди оправдалось. Я завис прямо над обрывом.

«Биг Дог» затормозил с помощью руля, задняя шина мгновение жевала губу пропасти перед тем, как он вернул сцепление.

Независимо от того, переключилось ли внезапно внимание водителя на поверхность впереди или он оставался полностью сконцентрированным на мне, — в любом случае «Эскалейд» обладал слишком большой массой и инерцией, чтобы остановиться вовремя, и он был намного менее маневренным, чем мой байк. Воздушный поток от его движения поднимал надо мной пыль и сухие кусочки пустынной растительности, и большой внедорожник бросился с края ущелья, всё ещё издавая «Хамелеон кармы» во время непродолжительного полёта.

Оснащённый четырёхпоршневым литым тормозом, «Биг Дог» мог остановиться на купюре, если не на монете. Я поставил его на подножку, заглушил и стал на краю, когда экипированный прожекторами «Кэдди», теперь падающий носом вниз, как бомба, освещал свой конечный пункт.

Вырезанный тысячами ливневых паводков, ветрами Мохаве и сейсмической активностью, провал был шириной около тридцати футов вверху и менее десяти внизу, около пятидесяти футов глубиной. Сорвавшийся внедорожник протестировал его камни на дне, и камни победили. Последняя нота из мелодии «Калче Клаба» прозвучала за момент до грохота удара, огни машины исчезли, и во внезапной темноте внедорожник разбросал свои части, которые гремяли и стучали в скалах.

¹ «Сьерра Клуб/Sierra Club» — природоохранная организация в США. Основана в 1892 году в Сан-Франциско, Калифорния.

Я сказал «вау», что недостаточно остроумно для киношных диалогов, но я сказал именно так. Я не Том Круз.

После нескольких секунд темноты расцвело пламя. Это был не взрыв, только слабо шевелящиеся язычки, которые быстро растанцевались сильнее, ярче. Ущелье оказалось капканом для перекачи-поля, которым было усыпано его дно, и сферические массы загорались быстрее к западу от крушения, видимо, в этом направлении выливался бензин из повреждённого бака.

Стены ущелья были крутыми, но доступными для передвижения пешком. Камни предательски отваливались, когда я быстро бочком спускался вниз с грацией — не знаю, почему эта неприятная картинка возникла в это время у меня в голове — пингвина на ходулях. Слишком много лет просмотра старого «Уорнер Бразерс», мультфильмов Чака Джонса¹ могут внедрить в вас незаметно ген слабоумия.

Возможно, так же глупо — я находился в режиме Доброго Самаритянина. Водитель пытался меня убить, это так, но его смертельная ярость могла быть следствием опьянения, и ему мог угрожать другой парень, когда он сам был трезв. Я не мог позволить ему истечь кровью или сгореть только из-за его идиотизма за рулём внедорожника. Иногда я испытываю сложности из-за своего морального кодекса, однако он у меня есть, как ореол над мозгом, и его невозможно вырвать.

Огонь горел ярко по обеим сторонам «Эскалейда», а под ним языки пламени были поменьше, но внутренняя часть ещё не горела. Было так много очень сухих перекачи-поле, что ущелье могло вспыхнуть в любое мгновение.

Приблизившись к автомобилю, я увидел на заднем борту аккуратно нарисованные знаки на языке пиктограмм, напоминающем древнеегипетские иероглифы, белые поверх чёрной краски. Остановился и пересмотрел своё мнение о случайной встрече с неизвестным водителем.

Пару месяцев назад, в горах Невады, я посчитал необходимым исследовать хорошо охраняемое поместье, где, как оказалось, сатанинский культ удерживал похищенного ребёнка в целях ритуального убийства. Перед тем, как найти ребёнка, я обнаружил конюшню, заполненную антикварными предметами вместо лошадей, и среди этих предметов были толстые стеклянные банки размером с кувшин, заполненные прозрачным консервантом, крышки были расплавлены на месте с помощью обжига факелом. В этих банках находились сувениры от предыдущих человеческих жертвоприношений: отрезанные головы с широко распахнутыми глазами и открытыми ртами, как будто охваченные вечным шоком и ужасом, и на каждом лбу были различные

¹ Чарльз Мартин «Чак» Джонс/Charles Martin «Chuck» Jones (1912-2002) — американский художник-мультипликатор и режиссёр, наиболее известный по серии мультфильмов «Весёлые мелодии/Looney Tunes». За свою карьеру снял более 300 мультфильмов.

линии на языке пиктограмм, удивительно похожие на те, что были на заднем борту «Эскалейда».

Парень из маленького городка встречается с великим злом.

Водитель «Эскалейда» встретился мне не случайно. Он изучил направление, которое я взял, когда я его выбрал, и сел мне на хвост, не иначе как намереваясь отомстить за урон, который я нанёс культуре. Я убил многих из них. Но их ресурсы были впечатляющими — на самом деле сверхъестественными — и мы друг с другом далеко ещё не закончили.

Мой кодекс поведения требовал от меня сохранять жизнь злым убийцам не больше, чем кормить собой акулу просто потому, что акула оказалась голодна. На самом деле, я чувствовал себя обязанным убить кровожадных социопатов, если это было единственным способом воспрепятствовать им зверски убить больше невинных. Обычно это оказывалось единственным способом, потому что мало кто из них реагировал правильно на призывы разума или строгие предупреждения, или на мудрость «Битлз», которые говорят нам, — всё, что нам нужно — это любовь.

Двери «Эскалейда» выгнулись, но не вылетели наружу, и если кто-то выбрался через разбитое окно, я его не видел. Водитель — и пассажир, если был таковой — почти наверняка были внутри. Возможно, мертвы. По крайней мере, тяжело ранены. Возможно, без сознания.

Когда я отошёл, потрескивающий огонь под машиной вдруг нашёл путь внутрь, и со звуком «ву-уш» кабина заполнилась пламенем. Я не увидел трепыхающихся теней в «Эскалейде» и не услышал криков.

Я не мог представить, как они узнали, что я собираюсь домой в Пико Мундо и когда я совершу эту поездку, а также на чём буду ехать. Но так же, как и у меня были необычные дарования, способности и связи, так и у них. Я мог никогда не узнать, *как* они обнаружили меня. Что имело значение сейчас — это то, что они меня искали; и если они нашли меня один раз, то найдут и снова.

Хотя они могли бы и не пытаться найти и убить меня в пути, если бы знали, где я остановлюсь, когда приеду в Пико Мундо. Они бы вместо этого поджидали меня там и сразили тогда, когда я бы там появился. Безопасный дом, ожидавший меня, был всё ещё безопасным.

Поднимаясь по глинистому уклону, что оказалось труднее, чем спускаться, я кинул взгляд назад, почти ожидая обнаружить преследователя, эдакого гротескного воплощения возмездия с горящими волосами и дымом, клубящимся из искривлённого рта.

Наверху я оглянулся назад и увидел, что огонь, яркое заражение, распространился примерно на шестьдесят ярдов к западу, от одной кипы перекасти-поле до другой. Сланцевая глина, должно быть, имела прожилки пирита, так как в стенах ущелья, в пульсирующем свете огня жёлтые ленточки мерцали ярче, чем окружающие камни.

Горящий «Эскалейд» скрипел и звенел. Когда его металлические протесты отдавались снова и снова по расщелине, то искажались, изменялись до тех пор, пока я не мог поверить, что слышал человеческие голоса, страдания толпы, кричащей внизу.

Я не видел их лиц. Боже, я не убил их, только дал им возможность убиться самим. Но всё ещё ощущал неправильность того, что не узнаю лиц тех, кому позволил умереть.

Шум и пламя, должно быть, побеспокоили колонию летучих мышей. Как раз в это время, наверняка недавно вернувшиеся в свою пещеру в стене ущелья после ночи кормёжки, они появились во взволнованном полёте, крича во время набора высоты над растущим жаром, многие сотни, возможно, тысячи, их перепончатые крылья щёлкали в аккомпанемент потрескиванию пламени. Они поднялись до вершины ущелья, затем опустились только для того, чтобы подняться вновь, взмыли на востоке, потом на западе и снова на востоке, как будто были поставлены в тупик и искали что-то и не могли найти, их пронзительные крики были и разгневанными, и отчаянными.

Жизнь научила меня верить в знаки.

Я узнал один из них, когда увидел.

Летучие мыши были знаком, и что бы они ни предвещали, это не будет событие, отмеченное благожелательностью, гармонией и радостью.

Глава 2

Я пришёл домой умереть и жить в смерти. Моя жизнь началась в пустынном городке Пико Мундо, Калифорния, и я жил в нём до двадцати лет, когда потерял самое ценное. В течение последующих двадцати одного месяца я путешествовал в поисках предназначения, и подбирался к нему, отправляясь, куда было должно. И так завершился полный цикл, что не могло меня удивить, потому что мы рождаемся именно то время, в которое должны родиться, затем живём в течение циклов-сезонов, под звёздами, которые поворачиваются, потому что поворачивается мир, рождаемся в неведении и приобретаем знание, в конце концов разоблачающее наше полнейшее невежество: цикл — это важнейшая модель нашего бытия.

Торговый комплекс «Зелёная луна» находился на шоссе «Зелёная луна», вклиненный между историческим центром Пико Мундо и его более современными районами. Строение было огромным, потому что предназначалось для обслуживания не только города, но и других территорий, слишком маленьких для того, чтобы поддерживать существование собственного торгового центра. Архитектурное решение в виде стен песочного цвета, изогнутых поверхностей и скривлённых углов предполагало, что здание построено из самана. Учитывая жару Мохаве, было лишь несколько окон, и больше всего стекла можно было увидеть у нескольких входов, где пневматические двери одновременно расходились в стороны, приглашая покупателей.

Центр был долгое время закрыт, обременённый своей историей массового убийства. Многие опасались, что повторное его открытие будет приглашением для какого-нибудь психа осуществить ещё большее преступление, чем убийство в тот день тех девятнадцати. Из сорока одного раненого несколько не смогли выжить. «Старбакс», «Крэйт энд Барел», «Донна Каран» и другие предприятия розничной торговли разорвали договоры аренды, не испытывая желания связываться с таким ужасным местом. Владельцы торгового центра, проявив здравый смысл, что в современной Америке редкость, не вызвали ни одного арендатора в суд, вместо этого заявив, что здание со временем будет снесено, а земля будет использована для элитного жилья.

Припарковав «Биг Дог» на ближайшей жилой улице, я находился в торговом центре более часа, до рассвета, захватив набор инструментов, среди которых был болторез, лом и молоток весом шестнадцать унций с прорезиненной ручкой, который я взял с собой с побережья. Я долго продвигался с помощью фонарика, широкий съезд вёл к огромной разделённой на сегменты двери гаража, через которую когда-то проезжали бесчисленные восемнадцатиколёсники, загруженные товарами для универмагов и большого количества магазинчиков поменьше.

Луна зашла, созвездия мерцали так далеко, и даже в мае ночь Мохаве была мягкой, как молоко из детской бутылки. От расположенных по бокам бетонных стен, очертания которых просматривались лучше, пока съезд снижался, вокруг меня плясали отражения света фонарика, как будто духи-попутчики.

Я знал порядочно о духах, населяющих этот мир. Видел тех, кто умер, но по разным причинам не мог или не хотел перешагнуть в то место, что идёт после. Моя жизнь была окружена этими задержавшимися умершими, их сожалениями, их надеждами, их нуждами, их печалью. За свои двадцать два года жизни я даже встречи с разгневанными духами научился воспринимать спокойно, запасая свой ужас для некоторых всё ещё живых людей и страха того, на что они способны.

По левую руку от огромной подъёмной двери находилась дверь обычных размеров, защищённая и врезным замком, и висячим замком. Я повернул фонарик в створ двери, направив луч вверх.

С помощью болтореза с длинной ручкой я сорвал хомут с крепления висячего замка. Отцепил замок от прихвата и отбросил в сторону.

Цилиндр замка был без оправы, и его невозможно было захватить щипцами и вытащить из замка. Я достал из кармана рубашки клиновидный стальной штырь с широкой головкой и загнал его в прорезь врезного замка. Ударная поверхность молотка ударила по своей цели, цилиндры замка в прорези издали резкий звук, когда его внутренности деформировались, и поверженная дверь слетела из своей коробки.

Меня не беспокоило, что производимый мной шум привлечёт ненужное внимание. Пустынный торговый комплекс был окружён простором пустой автостоянки, которая в эти дни была заключена в кольцо проволочного ограждения с колючей лентой, чтобы

оттолкнуть романтически настроенную молодёжь на машинах, бездомных людей с пожитками, упакованными в магазинные тележки, а также прочих пресмыкающихся, которых могло притягивать это место своей жестокой историей. Полиция решила не патрулировать больше эту территорию, потому что, в конце концов, всё здесь было запланировано снести в течение нескольких месяцев.

Моя версия «Цыганского хора»¹ была короткой. Когда я продвинул втулку полностью в прорезь замка, запорный штифт свободно застучал в механизме защёлки, и между дверью и косяком образовалась узкая щель, хотя штифт продолжал сидеть в гнезде. Я применил лом и работал им до появления пота, пока не вломился в место, в котором располагались подземные погрузочные платформы и автостоянка для рабочих под «Зелёной луной», оставив инструменты позади.

Я повар блюд быстрого приготовления, лучше всего у меня получается работать со сковородой, я мастер кухонной лопатки, делаю такие тонкие блины, что кажется, что они соскользнут с тарелки. Я повар и не хочу ничего больше, но множество угроз, с которыми я встречаюсь, требуют от меня развивать умения, в которых нет нужды на кухне закуской — такие как взлом и проникновение.

Испачканный бетон под ногами, над головой и со всех сторон, потолок, поддерживаемый такими толстыми колоннами, что я не мог бы их объять руками: как глубоководный дайвер, несмотря на герметичный костюм и бронированный шлем, может тем не менее ощущать гигантский тоннаж океана, давящего на него, так и я чувствовал большую массу двухэтажного комплекса и пары прилепленных по бокам трёхэтажных универмагов, расположенных надо мной. На мгновение я почувствовал себя погребённым, как будто умер в тот жестокий день и теперь являюсь духом, населяющим эту искусно созданную катакомбу.

Там и сям лежали небольшие кучки мусора: расщепленные доски упаковочной тары, пустые и сгнившие картонные коробки, а также вещи, которые сложно было различить в свете луча и в пляске теней.

Резиновые подошвы моих кроссовок не могли побеспокоить абсолютную тишину, как будто я не был материальным. Затем слева донёсся непродолжительный шуршащий звук. Это могла быть крыса, потревоженная в гнёздышке мусора, и тем не менее я спросил: «Кто здесь?» Единственным ответом было эхо этой фразы, которая из колоннадной темноты возвратилась ко мне со всех сторон.

Когда я был здесь в последний раз, это место жужжало от активности многочисленных грузовиков, загруженных товарами, и трудящихся клерков в кладовых, готовящих их к доставке в комнаты хранения и торговые этажи с помощью вилочных погрузчиков, электрокаров и ручных тележек.

¹ Хор из оперы «Травиата» Джузеппе Верди.

Движущаяся лента, обслуживающая погрузочную платформу, тянулась по всей длине огромного строения. Я взобрался по металлическим ступенькам, встроенным с лицевой её стороны, пересёк платформу и пролез через пару очень широких двойных дверей в просторный коридор с бетонными стенами, покрашенными белым. По левую руку ожидали два грузовых лифта; но даже если они ещё функционировали — в чём я сомневался — мне не хотелось бы оказаться запертым в одном из них. Я открыл дверь с надписью «ЛЕСТНИЦА» и поднялся.

Из склада на первом этаже я проследовал в место, которое раньше было универмагом. Здание, переполненное различными помещениями, заполняла тишина, и я почувствовал, как что-то похожее на акулу проплыло через безводную темноту, окружая меня за пределами света фонарика.

...